

ТОТАЛИТАРИЗМ И ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

9

ВЫПУСК

Март 2011

Раздел II.
**КОММУНИКАЦИИ, ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА,
ПРОПАГАНДА И ИНДОКТРИНАЦИЯ**

Бризетко И.А.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ В РОССИИ.
ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ**

В девяностые годы российская государственная информационная политика только начала оформляться и двигаться в демократическом направлении после долгого периода тоталитарного контроля государством всех сфер жизни общества. «Наша страна вступила в информационную эпоху неподготовленной: у нас больше полувека отсутствовали свободная пресса и институты гражданского общества» [3. С. 5]. На всем протяжении этого временного промежутка информационная политика носила неоднозначный и часто меняющийся характер, как часто бывает в переходные периоды. Для того чтобы проанализировать динамику государственной информационной политики девяностых годов, нам потребуется включить в анализ политику конца 1980х годов как предпосылку для развития государственной информационной политики в России. Временной промежуток «переходной» информационной политики от тоталитаризма к демократии мы разделим на три периода: 1985-1991, 1991-1994 и 1995-1999 годы.

1985 - 1991 годы - эпоха политики Перестройки М.С. Горбачева, которая напрямую влияла на информационную политику и политику в сфере СМИ. Зачатки открытой информационной политики появляются в 1985 году, с объявлением политики гласности Горбачевым. «СМИ инициируют процесс раскрепощения мысли в России, они осуществляют переворот в мироощущении советского человека, за 70 лет привыкшего воспринимать мир не таким, какой он был, а каким его ему представляли те же СМИ, привыкшие принимать на веру все, что исходило от власти» [4. С. 403]. После долгого периода монополии правящей коммунистической партии СССР на СМИ и отсутствия плюрализма мнений в обществе, политика гласности, проводимая Горбачевым, способствовала политической активности населения. В обществе того времени царили идеи о широкой автономии средств массовой информации от государства, плюрализме мнений и освещении в прессе событий, которые до этого публиковать запрещалось. Газета «Правда» в 1990м году пишет: «Перестройка нуждается в правдивой, откровенной прессе, свободной от вмешательства чиновников, не зависящей от командно-административной системы» [2. С.15]. Но в целом, направлению СМИ в сторону демократизации способствовала не только политика государства, так первый «юридически обосновывающий

профанирование выборов и парламентских процедур», «совращение малолетних» и т. п.) – это не только особенность «самого совершенного тоталитаризма», но и сущность посткоммунистической России. С одной стороны он пишет, что в 1980-е – 90-е годы у нас произошла революция, а с другой – что ничего в сущности не изменилось и перемены убеждений, о которой говорится в 11-й главе «Коммунизма», не произошло. Отсюда и намеки на то, что Пушкин и Достоевский предсказали в «Бесах» посткоммунистическую Россию, и предложение «выбросить русскую интеллигенцию на свалку истории» и предпочесть «политику национального эгоизма»... Г. Зюганов с ним не согласился и в книге «Сталин и современность» (2008) назвал Иисуса Христа, подвергавшегося искушению властью, «первым коммунистом» и датировал конец эпохи Октября началом 1990-х. И действительно: восстановленного в эти годы бывшими коммунистами Храма Христа Спасителя Гиренко в новой России не увидел.

В «Российском политическом процессе» (М., 2008) М.И. Кодина говорится, что осуществлению «великих и высоких принципов социализма» помешало противодействие «мирового империализма» и что «националистические тенденции» стали у нас проявляться лишь в 1980-е годы. В. Сапрыкин не считает соавтором коммунизма не только Сократа и Гегеля, но и Маркса. «Социалистическая цивилизация», по его мнению, была создана не ими, а «советским народом» [18].

Другие критические отзывы на «Коммунизм» не только не однозначны, но и порой прямо противоположны: одни обвиняют автора в примитивном антикоммунизме («тотальное отрицание марксизма»), в том, что я злоупотребил черной краской и нарисовал-де коммунизм монстром, т. е. приписывают мне то, за отсутствие чего порицал меня Коллега; другие, напротив, критикуют за коммунизм, т. е. за «промарксистскую» апологию («воли к власти») («обоснование, оправдание и восхваление политики КПСС»). Этих мнений учеников АОН не подтверждают ни название книги, ни её главные положения, вынесенные на обложку в форме образов-символов, ни эпиграфы, ни её содержание. Похоже, что они тоже читали книгу «бегло и не всю» и по-своему подтвердили мнение Коллеги о пережитках «коммунистического менталитета». Если считать идеологией то, что считали Маркс и Энгельс, а именно «превратное понимание истории», то нельзя не отнести подобные оценки к идеологическим, т. е. к нарушающим основные законы логики и не считающимся с историческими фактами.

Радует то, что конструктивных отзывов получено мною гораздо больше. Некоторые даже считают, что эпиграфом к книге могут быть и слова Евгения Евтушенко: «Быть злым к неправде – это доброта». Лев Аннинский в книге «Меч мудрости, или русские плюс...» (2009) согласился с пониманием коммунизма как «религии с отрицательным

богом», с провиденциализмом («Бог сокрушил коммунизм», «Не подменяйте Руки Вседержителя руками его детей, которые хотели сломить душу и древнюю веру народа. Большевизм – это апелляция к дохристианским диким инстинктам борьбы, отрицание христианского всепрощения» и т. д.) и с трактовкой коллективизации как обеспечения продовольствием армии и ВПК; почти согласился с моей (и А. Солнцева) критической оценкой Шолохова и с критикой Солженицына-историка... Эти факты говорят о том, что история не имеет заднего хода и что переживаемый нами мировоззренческий кризис преодолевается примерно в том же направлении, как это было у Герцена, Чернышевского, В. Соловьева и Л. Толстого.

Литература и примечания

1. Первые наброски «Коммунизма» датированы в нем 1961 годом. И я не делал из этого секрета, давал читать «Дневник» друзьям и товарищам.
2. Цит. по рукописи.
3. Сравни: «Порочные люди – те, кто льстили, лгали и оскорбляли других – продвигались по службе; унижение стало образом жизни... Приходилось или унижаться самим, или унижать других. Вынужденные утратить достоинство, честь, стыд и любовь друг к другу ради спасения своих жизней и служебного положения, люди были доведены до грани безумия. Они перестали выражать своё собственное мнение и лишь пересказывали статьи лидеров партии» (Девять комментариев о коммунистической партии. Сборник статей международного издательского проекта «Великая эпоха». М., 2005. С. 35.)
4. Сравни: «Руководящие органы коммунистической партии непосредственно никогда не участвуют в производственной или творческой деятельности. Как только они захватывают власть, они внедряются в массы, управляя и манипулируя ими. Из страха потерять контроль они распространяют свою власть вплоть до самых базовых единиц общества. Они монополизируют средства производства и изымают богатства общества» (там же, с. 12).
5. Цит. по рукописи.
6. Цит. по рукописи.
7. Подробнее об этом см. главы 1 и 2 «Коммунизма».
8. Подробнее об этой преемственности см.: Ойзерман Т.И. Философия как история философии. СПб., 1999. С. 313, 331, 332, 369 и др.
9. Энгельс был бы более прав, если бы написал, что марксизм ведет свою родословную «не столько от Бэкона, Гольбаха, Сен-Симона, Фурье и Оуэна, сколько от Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля». В опубликованном варианте моей дипломной (см.: Проблемы общественных наук в работах молодых ученых. Томск, 1976 г.) этот тезис был подкреплен ссылками на книги таких «фальсификаторов

приводит к тому, что государственную информационную политику стали формировать не журналисты, а политтехнологи и имиджмейкеры.

Таким образом, государственная информационная политика девяностых годов в России носила неоднозначный и меняющийся характер. У государства не было четкой стратегии в области информации, большое влияние оказали внешние факторы. В связи с этим, государство меняло свой курс в информационной сфере. К концу девяностых годов государственная информационная политика стала более крепкой, но в то же время менее демократичной. Несмотря на то, что к концу исследуемого нами периода сформировалась целостная Концепция государственной информационной политики, она стала более авторитарной. Демократические тенденции ярко наблюдаются в постперестроечный период, но угасают к концу девяностых годов. Таким образом, сложно говорить о том, что к 2000м годам российская государственная информационная политика уверенно шла на пути к демократии. Скорее, в новый век Россия вошла с авторитарными тенденциями в области государственной информационной политики и на протяжении 2000х годов эта тенденция сохранялась и укреплялась.

Литература

1. Засурский И. Реконструкция России. Масс- медиа и политика в 90-е. М.: МГУ, 2001. 228 с.
2. Засурский Я. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990- 2004. М.: Изд- во Моск. ун- та, 2004. 464 с.
3. Информационная политика России (интервью с С.Г. Колесник) // Информационные ресурсы России. 2005. №5. С. 6-8.
4. Коновченко С.В. Информационная политика в России. М.: Изд-во РАГС, 2004. 527с.
5. Рихтер А.Г. Правовые основы свободной печати // СМИ Постсоветской России. М.: Аспект- Пресс, 2007. С. 156- 194.

Гордиенко Д.В.

ФЕНОМЕН ТОТАЛИТАРНЫХ СЕКТ: ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

После крушения советского строя Россия вступила в совершенно новый этап своего развития, этап построения либерального, демократического общества. Необходимость перекраивания старых принципов функционирования государства и общества всегда сопряжена с тяжелыми испытаниями и сложностями как для народа, так и для власти. Попытка создать свободное общество - задача долговременная и требующая ответственности и прозорливости политических лидеров, их политической грамотности, а создание и развитие гражданского общества в России до сих пор остаётся нерешённой проблемой. В постсоветский период на территории